

УДК 94:003-793(571.1) ''1920/1930''
DOI: 10.17223/22220836/26/2

П.Е. Азарова

ГОРОДСКИЕ ПРАЗДНИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1920–1930-х гг. В АСПЕКТЕ ЦЕННОСТНО-ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ

В данной статье рассматривается ценностно-знаковая система, разработанная Ю.М. Лотманом, и ее возможности в изучении праздников. Впервые в исследовательской литературе прослеживается формирование и функционирование знаковой системы праздников в западносибирских городах двух первых послереволюционных десятилетий. С опорой на первоисточники характеризуются визуальные, слуховые, цветовые и обонятельно-вкусовые знаковые средства, ставшие символами праздничного пространства, сохранявшие праздничные традиции и одновременно отражавшие перемены в городской культуре Западной Сибири.

Ключевые слова: праздники, города Западной Сибири, знаковые средства праздничной культуры.

В изучении праздника, его роли и значения в развитии общества существенный вклад внесли исследователи разных направлений, которые наделяют праздник функциями воспитания, манипуляции социальной напряженностью и формирования ценностных ориентиров [1–4]. Комплексный междисциплинарный характер проблемы требует новых подходов к ее решению. По мнению Ю.М. Лотмана, праздник является частью культуры, как знаковой системы, определенным образом организованной с целью сохранения информации и организации коммуникации между людьми [5. С. 14–19]. Американский исследователь П. Коннертон пришел к научно обоснованному выводу, что знаковый способ поддержания механизмов культурной / социальной памяти охватывает в числе прочих и праздничные практики, и контакты с информационными символами (игры, собрания, подготовка и ритуалы проведения торжества, пение гимна и др.) [6]. В данной статье предпринимается первая попытка проследить формирование и функционирование знаковой системы праздников, представленной визуальными, слуховыми, цветовыми и обонятельно-вкусовыми знаковыми средствами, распространявшимися в городах Западной Сибири в 1920–1930-х гг.

В семантической структуре праздников советской эпохи ведущее место занимала цветовая символика, поскольку цвет и цветосочетания являются древнейшими символами, наполняющими мир значениями и смыслами. В советской культуре доминировал красный цвет, положенный в основу всех праздничных торжеств и их элементов (красные флаги и лозунги, красные косынки на головах женщин-работниц), вошедший в названия институтов и субкультурных объединений (Институт красной профессуры, Красная армия, журнал «Красный архив»), в идеологическом контексте обозначавший принадлежность к государственной организации. Черный и белый цвета выступали антиподами доминантного цвета, при этом одновременно продолжали и дополняли идеи красного.

Красный цвет издавна символизирует кровь, и, следовательно, смысловая нагрузка этого знака представлена разрушительной энергией уничтожения, боя, смерти, а также и революции. Упоминание красного / алого цвета в лозунгах и газетных статьях подчеркивало высокую социальную напряженность, революционность переломной эпохи, крах императорской России. Именно об этом писали в сибирских газетах в преддверии революционных праздников: «В снегу алели пятна, словно розы!», «Алый Пятый год!», «Наша кровь с январского мороза зажгла сполохами рабочий класс!» [7. 27 янв.; 8. 1 марта; 9. 6 нояб.].

С другой стороны, красный – это цвет зари, рассвета, огня, факела и, следовательно, воплощение созидательной энергии, возрождения жизни, новой эпохи. Формирование новой знаковой системы после Революции 1917 г. воплотилось в создании новых периодических изданий («Красная сибирячка», «Красный боец», «Красная работница», «Красная молодежь»), в учреждении правительственных наград, таких как ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды. Красная звезда становится не только визуальным знаком пореволюционной эпохи, это словосочетание воплощает всеобщее счастье. В сибирских изданиях нередко такие выражения: «Взошла... красная звезда. Символ новой жизни и всеобщего счастья. Светит, манит и побуждает к деятельности. Дает работу всем и каждому!» [10. 20 февр.; 11. 26 дек.].

Противоположным по значению красному выступает черный цвет. С одной стороны, он воплощение смерти, зла, опасности. В праздничных лозунгах и информационных листках, выпускаемых в сибирских городах, слово черный означает прямую угрозу советским людям. Встречаются такие выражения: «черный, злой час», «черный ворон клюет очи Советской власти», «черные списки беспартийных», «черные флажки на рабочих машинах плохих рабочих», «черный список истории самых мерзких изменников советской Родины». В таком же контексте упоминались «черные гробики» как карнавальный элемент «похорон» неграмотности, прогулов и др. [7. 8 мая, 10 июля; 9. 25 апр.; 12. 19 апр.; 13. 18 мая].

Одновременно черный цвет использовался для обозначения природных богатств Сибири, при характеристике рабочего класса: черная спецодежда шахтеров, добывающих уголь – «черное золото» [7. 27 нояб., 14 дек.; 9. 20 февр.; 13. 5 нояб.; 14. 21 янв.; 15. 15 февр.; 16. 18 мая; 17. 23 февр.].

Особое место в спектре советских праздников занимал белый цвет. С одной стороны, он употреблялся в обозначении принадлежности к императорской России, как цвет аристократии, буржуазии, армейской элиты (Белая армия, белые офицеры) и, следовательно, ассоциировался со всем злом Гражданской войны. С другой стороны, белый цвет был закреплен в значении «лучший» и проявлялся в знаке качества товара (белый хлеб, яблоки «Белый налив»), в торжественной одежде (белые рубашки, белые брюки и юбки), в предметах принадлежности центральной власти (белые автомобили, самолеты, белые ручки как пишущие средства и предметы отчетности), в элементах праздника (белые фоны лозунгов и плакатов, подарочные упаковки, ленты, флажки) и др. [12. 5 сент.; 13. 18 авг.; 18. С. 12; 19. 28 февр., 20 марта; 20. 4 окт.; 21. 27 мая].

Три наиболее часто используемых цвета – красный, черный, белый – становятся в послереволюционные десятилетия символами разрушительного и созидательного начал, переплетая в своих значениях жизнь и смерть, новые ценностные ориентиры добра и зла.

Наряду с цветовыми в сибирских праздниках активно использовались визуальные и слуховые знаковые средства, с помощью которых формировалась праздничная палитра городов, складывались технологии массовых удовольствий. Участникам праздников предоставлялась возможность потанцевать, просмотреть кинофильмы и театральные спектакли. В программы праздников, особенно спортивных и общественных, включались элементы спортивных состязаний, прыжки с парашютом, авиационные зрелища, в том числе катание на самолетах передовиков производства [13. 4 янв.; 18; 19. 24 апр.; 20. 24 марта, 18 окт.; 22. № 2; 23. Л. 17–25; 24. Л. 12–20; 26. № 2; 27. № 7; 28. 9 окт.; 29. С. 301–301, 323]. Эти виды праздничной деятельности создавали единое досуговое пространство, свободное от социальной иерархии, способствовали релаксации, формировали чувство причастности к жизни городского общества и всей страны.

Особая роль в праздничных технологиях принадлежала музыкальным знаковым средствам. Как правило, официальные торжества и праздники сопровождались исполнением партийно-государственных гимнов и музыкой духовых оркестров, а праздничные события рядовых горожан никогда не обходились без песен и игры на музыкальных инструментах – на гитаре, балалайке, гармошке. На первое место в праздничных технологиях выдвигалась музыкальная самодеятельность как неотъемлемая часть социалистической культуры, призванная воспитывать подлинно советского человека, борца за дело партии [35. 18 сент.; 36. 16 окт.]. К праздничным дням приурочивались конкурсы творческой самодеятельности. В 1920-х гг. «олимпиады самодеятельности» были немногочисленны, ограничивались исполнением номеров о Гражданской войне и фольклором, наполненными новыми темами частушками, былинами, сказками. В 1930-х гг. на конкурсах творческой самодеятельности был представлен весь спектр сибирской культуры: от традиционно национальных, включая русские, татарские, украинские мотивы, до джаза. При этом участники самодеятельности старших поколений тяготели к «исполнению классической музыки на балалайке» и «колхозным танцам», а поколение пионеров и комсомольцев представляло новые джазовые мелодии в коллективном исполнении [11. № 4; 13. 23 марта, 14 июля; 30. 15 апр.; 31. 10 февр.; 32. 25 янв.].

Джаз пользовался среди молодежи особой популярностью, хотя со стороны властей к нему складывалось неоднозначное отношение. С одной стороны, была распространена жесткая критика этого музыкального направления в контексте противодействия западной культуре, но, с другой стороны, отечественных джаз-исполнителей не преследовали, разрешали их выступления и гастроли по стране. Сплав песни и джаза олицетворял дух новой эпохи и становился таким же символом новизны, как кино. Расцвет джазовых мотивов в Сибири пришелся на середину 1930-х гг. Так, в 1934 г. при клубе «Кемеровокомбинатстрой» был создан теа-джаз (театрализованный джаз) под управлением М.В. Барсукова, а в г. Сталинске (совр. Новокузнецк) в первом звуко-

вом кинотеатре «Коммунар» в 1936 г. выступал большой эстрадный оркестр под руководством А. Кобрин и сменившего его В. Исаева. В те же годы в клубе железнодорожников в г. Сталинске существовал небольшой самодельный джаз-оркестр, эстрадный оркестр был создан в г. Кемерове [4. С. 7; 33. С. 10; 34. 30 июля].

Эстрадно-джазовая музыка звучала в парковых зонах в дни праздников, при открытии кафе-кондитерских, в ресторанах. Участие джазовых коллективов в фойе крупных городских кинотеатров перед премьерными показами кинофильмов превращало их, по сообщению прессы, в праздничные события. Так, джаз-оркестры выступали перед киносеансами «Праздник Святого Иоргена» и «Пастух и царь» в Новосибирске, перед премьерой знаменитого кинофильма «Веселые ребята», приуроченной к годовщине смерти В.И. Ленина, в Сталинске [13. 5 июля, 25 июля, 18 сент., 28 окт.; 20. 22 янв.].

Распространенным проявлением массового удовольствия в городских праздниках становились единые гастрономические пристрастия, передававшиеся через обонятельно-вкусовые знаки. В условиях дефицита продуктов питания в 1920-х гг. олицетворением праздника был сдобный хлеб, который пекли из полученной к праздничным датам белой муки с добавлением сахара [35. № 2; 36. 15 апр.; 37. № 3]. Этот хлеб напоминал традиционный русский каравай (пасхальные куличи, сладкие пироги), служил обрядовым символом богатства и сытости. Кроме домашней выпечки, предлагались хлебные изделия, пряники и печенье с партийно-государственной символикой.

В середине 1930-х гг., когда была отменена карточная система снабжения, введенная в 1929 г., и начата свободная продажа хлеба, муки, сахара и других продуктов питания, олицетворением праздников в больших городах стало мороженое. На территории Западной Сибири было запущено 4 холодно-молочных комбината, на каждом из которых изготавливались лакомства порядка 130 тонн в год [21. 1 янв.]. Мороженое изготавливалось на новейшем для того периода американском оборудовании, рецептура каждого сорта утверждалась партийными органами. Сибирское мороженое имело сроки хранения, равные одной неделе, и привозилось в места продажи 2–3 раза в неделю, поэтому его относили к разряду дефицитных и само его появление уже вносило элемент праздничности. Ассортимент праздничного продукта включал 30 видов: крем-брюле, фруктовое, шоколадное, пломбир, кофейное, ореховое, эскимо, с шампанским, с газированной водой, с фруктовой подливой. Показательно, что в агитационной литературе мороженое представлялось «узко-буржуазным продуктом, употребляемым на больших праздниках, свадьбах или именинах» [34. 29 авг.]. Но одновременно мороженое рассматривалось как доступный продукт, вносивший праздник в будни. Характерны в этом отношении высказывания государственных и партийных деятелей лозунгового содержания. Так, председатель ВЦИК М.И. Калинин заявлял: «Мороженое любят все!». А нарком пищевой промышленности СССР и заместитель председателя Совнаркома СССР А.И. Микоян утверждал: «Любят мороженое все, но из лицемерия некоторые скрывают это, считая, что мороженое детское лакомство» [20. 28 янв., 35 марта; 46. 29 апр., 1 мая]. Конечно, такие заявления советских вождей придавали лакомству особое значение.

Мороженое стало символом праздника и вошло в знаковую систему городской культуры Западной Сибири двух предвоенных десятилетий.

Итак, формирование структуры знаков праздничной культуры в городах Западной Сибири отражало новые смыслы праздников и торжеств советской эпохи, призванных выполнять функции социализации и мобилизации общества. Через призму знаковых средств праздник представляется одним из индикаторов изменений и одновременно сохранения традиций городской культуры.

Литература

1. Генкин Д.М. Массовые театрализованные праздники и представления / Д.М. Генкин, А.А. Конович. М.: ВНИИЧ НТ и КИР, 1985. 142 с.
2. Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 150 с.
3. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978. 300 с.
4. Мохонько А.П. И настроение и вкус // Советская эстрада и цирк. 1987. № 2. С. 7.
5. Лотман Ю.М. Семиясфера. Культура и взрыв. СПб., 2000. 760 с.
6. Connerton P. How Societies Remember. Cambridge, 1989. 200 p.
7. Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924.
8. Советская Сибирь. Новосибирск, 1933.
9. Советская Сибирь. Новосибирск, 1937.
10. Большевик Кузбасса. Сталинск, 1931.
11. Молодой большевик. Омск, 1932.
12. Советская Сибирь. Новосибирск, 1931.
13. Советская Сибирь. Новосибирск, 1935.
14. Красное знамя. Томск, 1927.
15. Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921.
16. Советская Сибирь. Новосибирск, 1932.
17. Советская Сибирь. Новосибирск, 1939.
18. Сибирский гудок. Томск, 1932.
19. Советская Сибирь. Новосибирск, 1929.
20. Советская Сибирь. Новосибирск, 1936.
21. Советская Сибирь. Новосибирск, 1941.
22. Большевик. Новониколаевск, 1924.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 9.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 10.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 32.
26. Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1928.
27. Спутник политрука. Новониколаевск, 1924.
28. Томская работница. Томск, 1920.
29. Томск. История города в иллюстрациях. 1604–2004 / О.В. Патрина, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.
30. Красное знамя. Томск, 1933.
31. Большевицкая сталь. Сталинск, 1934.
32. Забой. Прокопьевск, 1935.
33. Баташов Н.В. Советский джаз. М., 1972. 110 с.
34. Большевицкая сталь. Сталинск, 1937.
35. Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936.
36. Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1937.
37. Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1929.

Azarova Polina E. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: azarova.p@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017, № 26, pp. 12–18.

DOI: 10.17223/22220836/26/2

THE WEST SIBERIAN CITY HOLIDAYS IN THE ASPECT OF VALUE-SIGN SYSTEM**Key words:** holidays, the West Siberian cities, fest culture signs.

This article is the first attempt to trace the creation and functioning of sign system of city celebrations in West Siberia in 1920–1930-s. Basing on the teachings of semiotics developed by M. Yu. Lotman the author reveals the holiday as part of the culture, and as a system of signs which help to preserve and interpret the information. The visual, auditory, color, smell and taste sign means are studied. It is shown that red, black and white colors were commonly used at holidays. They were the red banners, red stars as a symbol of universal happiness. Black color was used in order to denote the enemies and their evil thoughts against the Soviets. White did the best festive – white clothes, white bread.

The visual and auditory sign means were used in Siberian holidays as well. They were films and theatricals, as well as sports. Special festive value formed aviation show and skydiving. Aviation driving of leading workers was real fest symbol in 1930-s.

An important role in festive technologies belonged to a musical sign means. As a rule, hymns and marches were heard during holidays. Ordinary citizens sang songs, played on guitar, balalaika, garmoshka (accordion). Amateur technologies dominated in festive music. They were part of so call Socialist culture, and used in the upbringing of Soviet people committed to struggle for the cause of the Communist Party. Creative amateur contests included Russian, Tatar, and Ukrainian songs. Jazz enjoyed special love of Siberian citizens, young people first. It was seen as a symbol of a new era. Jazz was often performed before movies, and at celebrations in working clubs in Siberian cities – Stalinsk, Kemerovo, Novosibirsk.

City holidays necessarily accompanied with smell and taste sign means. Rich white bread prepared in families for the holidays. It was a continuation of the traditions of the pre-revolutionary time. New were gingerbread and biscuits with the Party-State symbols. The most characteristic sign mean in the Siberian cities, it was ice cream. It promoted the Party and Government leaders, such as Kalinin and Mikoyan. Ice cream has become a real symbol of holidays in 1920–1930-s.

Festive signs reflected the new value of the Soviet-era holidays. They pointed to the change, and at the same time underlined the preservation of traditions of urban culture.

References

1. Genkin, D.M. & Konovich, A.A. (1985) *Massovye teatralizovannye prazdniki i predstavleniya* [Mass theatrical festivals and performances]. Moscow: VNMTs NT i KPR.
2. Genkin, D.M. (1975) *Massovye prazdniki* [Mass holidays]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Mazaev, A.I. (1978) *Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie. Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya* [The holiday as a social and artistic phenomenon. Historical and theoretical research]. Moscow: Nauka.
4. Mokhonko, A.P. (1987) I nastroyenie i vkus [Both mood and taste]. *Sovetskaya estrada i tsirk.* 2. pp. 7.
5. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera. Kul'tura i vzryv* [The Semiosphere. Culture and Explosion]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001.
6. Connerton, P. (1989) *How Societies Remember*. Cambridge University Press.
7. *Sovetskaya Sibir'*. (1924).
8. *Sovetskaya Sibir'*. (1933).
9. *Sovetskaya Sibir'*. (1937).
10. *Bol'shevik Kuzbassa*. (1931).
11. *Molodoy bol'shevik*. (1932).
12. *Sovetskaya Sibir'*. (1931).
13. *Sovetskaya Sibir'*. (1935).
14. *Krasnoe znamya*. (1927).
15. *Sovetskaya Sibir'*. (1921).
16. *Sovetskaya Sibir'*. (1932).
17. *Sovetskaya Sibir'*. (1939).
18. *Sibirskiy gudok*. (1932).
19. *Sovetskaya Sibir'*. (1929).
20. *Sovetskaya Sibir'*. (1936).
21. *Sovetskaya Sibir'*. (1941).
22. *Bol'shevik*. (1924).

-
23. The Russian State Archives of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 9. (In Russian).
24. The Russian State Archives of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 10. (In Russian).
25. The Russian State Archives of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 32. (In Russian).
26. *Sibirskiy detskiy zhurnal*. (1928).
27. *Sputnik politruka*. (1924).
28. *Tomskaya rabotnitsa*. (1920).
29. Patrina, O.V. & Dmitrienko, N.M. (2004) *Tomsk. Istoriya goroda v illyustratsiyakh. 1604–2004* [Tomsk. History of the city in illustrations. 1604–2004]. Tomsk: Tomsk State University.
30. *Krasnoe znamya*. (1933).
31. *Bol'shevistskaya stal'*. (1934).
32. *Zaboy*. (1935).
33. Batashov, N.V. (1972) *Sovetskiy dzhaz* [Soviet jazz]. Moscow: Muzyka.
34. *Bol'shevistskaya stal'*. (1937).
35. *Udarnik Kuzbassa*. (1936).
36. *Udarnik Kuzbassa*. (1937).
37. *Sibirskiy detskiy zhurnal*. (1929).